

во всѣхъ частяхъ, со всѣми оттѣнками, правильно, — а только кривое стеклышко отъ сломанной бутылки, которое отражаетъ предметъ въ измѣненномъ, искаженномъ видѣ, ложно. Въ Позднышевѣ собрано все то, что есть въ человѣкѣ *нечеловѣческаго*, исключительно безобразнаго, животнаго, собрано и увеличено, увеличено и сгущено. Человѣка въ немъ ни на грошъ нѣтъ. Въ его дѣйствіяхъ и поступкахъ мы замѣчаемъ только утонченность и смѣтливость, нѣсколько несвойственныя животному. Въ остальномъ же это — животное въ человѣческой шкурѣ. И самъ рассказчикъ не прочь согласиться съ нами, — въ одномъ мѣстѣ онъ съ ироніей замѣчаетъ: „свинья я былъ ужасная, а воображалъ себѣ, что я — ангелъ“. (стр. 294 въ 13-й ч. соч. Толстого). Разумныя, идейныя начала въ немъ спятъ, цѣлей жизни у этого коптителя неба никакихъ нѣтъ. Эгоизму его, самолюбію и себялюбію, честолюбію, тщеславію и гордости — нѣтъ мѣры. Счастье свое основываетъ не на чемъ иномъ, какъ только на личномъ повоѣ, на возможности пользоваться *неразрѣшенными* удовольствіями. Занятый исключительно самимъ собою, онъ игнорируетъ все, что не относится къ нему, все, гдѣ не участвуетъ онъ, и что не служить ему. Онъ полагаетъ, что всякій, кто дѣлаетъ попытку заявить и о себѣ, покушается на его счастье и на его драгоценную особу. Но не будемъ судить строго. Мы сказали достаточно, для того чтобы понять, что въ лицѣ Позднышева выведенъ не типъ, а *одинъ* изъ людей, и чтобы не опасаться за себя и окружающихъ насъ. Мы не видимъ въ Позднышевѣ жизненности. Какъ личности крайнія, Позднышевы появляются на міровой сценѣ въ ограниченномъ количествѣ и человѣчество зла большаго отъ нихъ не терпитъ.

Жена Позднышева не выступаетъ передъ нами. Она также не типична, не оригинальна, не ясна намъ. Но она все-таки человѣкъ, и потому ничто человѣческое ей не чуждо. Мы не знаемъ ни ея характера, ни привычекъ; но мы знаемъ ее какъ женщину вообще, женщину, какъ женщину, ту женщину, которая всегда была слабѣе мужчины и надъ которою виситъ произволь, женщину-рабу. И только.
